

Картины природного мира в романе И. К. Калашникова «Жестокий век»

*Зоя Александровна Серебрякова*¹,
*Арюна Владимировна Ринчинова*²

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-7104-8322. E-mail: serebryakovaza[at]mail.ru

² Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
 0009-0002-1896-4126. E-mail: arrinch[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

©Серебрякова З. А., Ринчинова А. В., 2024

Аннотация. Статья посвящена исследованию картин природы земель монгольских племен XII–XIII вв. в романе писателя И. К. Калашникова «Жестокий век», который явился достижением в масштабах общесоюзной литературы 70-х гг. прошлого века и по-прежнему пользуется любовью читателей. В статье прослеживается связь пейзажа с состоянием внутреннего мира героев, выявляются его характерные черты и основные функции. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа художественного мастерства одного из крупнейших отечественных прозаиков второй половины XX в. Исаея Калашникова. Основное внимание большинства литературоведов и критиков привлекает фигура главного героя романа Чингис-хана и разные аспекты отображения автором описываемого им исторического периода. Что касается рассмотрения картин природного мира, то они специально не изучались. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей созданных автором картин природного мира, причин их достоверности (в том числе любви писателя к родной природе, понимания им менталитета бурят, ощущения общности судьбы этого народа и русских старожилов Бурятии), роли природных реалий в раскрытии характеров героев, анализе мастерства автора и значимо-

сти пейзажа в произведении. В результате доказаны достоверность этих картин, многоликость образов природных реалий, показано художественное мастерство писателя в их отображении, а также роль образов природы в раскрытии внутреннего мира персонажей, органичная включенность пейзажа в целостную картину мира романа.

Ключевые слова: роман, И. К. Калашников, природа, пейзаж, персонаж, монгольские земли, Бурятия

Для цитирования: Серебрякова З. А., Ринчинова А. В. Картины природного мира в романе И. Калашникова «Жестокий век» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 182–195.

DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-182-195

Pictures of the Natural World in I K Kalashnikov’s Novel “The Cruel Age”

*Zoya A. Serebryakova*¹, *Aryuna V. Rinchinova*²

¹ East Siberia State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7104-8322. E-mail: serebryakovaza[at]mail.ru

² East Siberia State Institute of Culture (1, Tereshkova St., 670031 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0009-0002-1896-4126. E-mail: arrinch[at]mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the pictures of the nature of the lands of the Mongolian tribes of the 12th-13th centuries in the novel by the writer I. K. Kalashnikov “The Cruel Age”, which was not only an achievement on the scale of all-Union literature of the 1970s, but still enjoys the love of readers. The article traces the connection between the landscape and the state of the characters’ inner world, identifying its characteristic features and main functions. The relevance of the research topic is due to the need for a comprehensive analysis of the artistic mastery of one of the largest domestic prose writers of the second half of the 20th century Isay Kalashnikov. The main attention of most literary scholars and critics is drawn to the figure of the main character of the novel, Genghis Khan, and various aspects of the author’s depiction of the historical period he describes. As for the consideration of the pictures of the natural world, they have not been specifically studied, which determines

the relevance of the topic. The scientific novelty of the research lies in identifying the the features of the pictures of the natural world created by the author, the reasons for their reliability (including the writer's love for his native nature, his understanding of the Buryat mentality, the sense of the common fate of this people and the Russian old-timers of Buryatia), the role of natural realities in revealing the characters' nature, the analysis of the author's skill and the significance of the landscape in the work. As a result, the authenticity of these paintings, the diversity of the images of the natural realities are proven, the writer's artistic skill in displaying them is shown, as well as the role of the nature images in revealing the inner world of the characters, the organic inclusion of the landscape in the holistic picture of the world of the novel.

Keywords: novel, I. K. Kalashnikov, nature, landscape, character, Mongolian lands, Buryatia

For citation: Serebryakova Z. A., Rinchinova A. V. Pictures of the Natural World in I. Kalashnikov's Novel "The Cruel Age". *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2024; (4): 182–195. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-182-195

1. Введение

Самым широко известным творением русского писателя из Бурятии И. К. Калашникова и безусловным достижением отечественной большой прозы является роман «Жестокий век», о котором восторженно отзывались такие признанные писатели-современники автора, как Ю. В. Бондарев, Н. Е. Шундик, А. М. Борщаговский, Н. К. Доризо и др.

Многие аспекты этого романа (концепция личности, образ центрального героя, специфика исторического периода и др.) изучены литературоведением. Мастерство романиста в полной мере проявилось и в создании пейзажа, который, однако, не получил пока достаточно обстоятельного рассмотрения. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ картин природного мира земель монгольских племен XII–XIII вв. в данном произведении.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, показать тесную связь И. К. Калашникова с его малой родиной и одним из монгольских этносов, титульным народом Республики Бурятия; во-вторых, проанализировать основные функции пейзажа в романе «Жестокий век»; в-третьих, показать мастерство писателя в создании образов природы, выявить их место в целостной картине мира данного произведения.

2. Место романа «Жестокий век» в творчестве автора и общесоюзной литературе

Все творчество народного писателя Бурятии Исая Калашникова, вершиной которого является исторический роман «Жестокий век» (1978), связано с республикой. Названное повествование — одно из лучших произведений не только региональной большой прозы. Его с полным основанием можно считать достижением в масштабах общесоюзной литературы. Коренные трансформации в укладе жизни нашей страны нисколько не повлияли на высокую оценку романа профессиональным сообществом и читателями. Авторы академического издания, вышедшего в постсоветский период, предсказали ему «большую и долгую жизнь» [*История бурятской литературы 1997: 152*]. «Жестокий век» по-прежнему активно читают и любят в Монголии.

Несмотря на некоторую географическую дистанцию между локацией других произведений писателя и романа «Жестокий век», а также многие века, разделяющие описываемые в них события, их объединяет один из критериев подлинной художественности — достоверность.

Для обоснования данного утверждения обратимся к анализу созданных писателем в названном романе образов природы обширных земель многочисленных, враждующих между собой монгольских племен XII–XIII вв.

3. Образы природы в романе «Жестокий век»

3.1. Примеры психологического параллелизма

В создании многих образов природы используется принцип психологического параллелизма. Раньше других на страницах повествования появляются двое: молодой воин Чиледу (о социальном статусе которого говорит уже факт отсутствия рядом с ним друзей и родственников на протяжении долгого опасного пути и то, что волы и повозка выпрошены им у хозяина) и просватанная им невеста Оэлуи, едущие в кочевье жениха по выжженной зноем бескрайней ковыльной степи. Девушка чувствует опасения спутника по его настороженности, зорким взглядам, которыми он окидывает серо-желтую равнину, приготовленную для обороны оружия. Не располагают к спокойствию такие детали, как понуро идущие в

упряжке волы, сухой шелест ковыля, не покидающая сердце Оэлуна тоска, слова жениха о возможной опасности.

Тревога Чиледу не была напрасной: на них напал Есугей из враждебного сородичам Чиледу и известного своей агрессивностью племени, будущий отец главного героя романа Тэмуджина-Чингис-хана, похитил Оэлуна и ограбил ее жениха. Здесь пейзаж выступает не только в функции описания места действия, но и передает психологическое состояние героев.

Рассматривая роль сравнений в романе И. К. Калашникова, Д. Г. Филонов на основании суждения нойонов, сравнивших поведение Чиледу в данном конфликте с бегством дикой козы от рыси и суслика от коршуна, делает вывод о его трусости как черте характера [Филонов 2018: 41].

Однако мнения нойонов, желающих лишь унижить Чиледу, недостаточно для такого заключения. Напротив, дальнейшее поведение показывает его мужество, доброту и великодушие. Доминирующая идея писателя в трактовке данного образа состоит в показе всей тяжести доли бесправного, неимущего пастуха чужих стад, сумевшего, тем не менее, во многом преодолеть превратности судьбы и даже помогать окружающим.

Отчаяние Чиледу, безуспешно пытавшегося найти хоть чью-нибудь помощь в попытке вернуть невесту, отражается в тональности пейзажа: проливной дождь и гонимые ветром взлохмаченные тучи. Мотив гонимости (ведь название первой книги романа — «Гонимые») усиливается такой художественной деталью, как уподобление героем собственной судьбы песчинке: «Что может песчинка, гонимая ветром?..». Хотя он и грезит о мести, ощущение безнадежности доминирует в мыслях этого персонажа [Калашников 1985: 35]. Много позже Чиледу сравнивает жизнь бесправных бедняков с гонимым ветром перекасти-полем [Калашников 1985: 179]. Очевидна символичность использованных тропов.

Примером сравнения с составляющими природного мира, помогающего автору ярко и лаконично передать переживания персонажей, является следующий: впервые получив поддержку со стороны сильного соратника — Тогорила, юный Тэмуджин «вбирал в себя его слова, как иссохшая земля капли росы» [Калашников 1985: 99].

Приведенные нами художественные детали пейзажа являются частью природного мира, проистекающими «в конечном счете из общей эстетической ситуации произведения». Точное место в его сюжете определяет их символическое значение [Тюпа 1982: 12].

Аналогично состояние природы при описании бегства хана Тогорила от наступавших врагов: гроза, ливень и черное небо как бы предвещают последующее предательство подданных, покинувших его с горсткой нукеров.

В обоих фрагментах героям противостоят могучие природные стихии, и само огромное степное пространство выступает, по мнению С. И. Гармаевой, как стихия [Гармаева 1997: 98]. Как видим, в приведенных примерах пейзаж органично вписан в концепцию мира, создаваемую прозаиком.

3.2. Многогранность образов степи, леса и гор

Степь в романе И. К. Калашникова предстает во множестве ипостасей. Иногда она может казаться пустой и безжизненной, особенно в восприятии одинокого или переживающего душевное смятение человека. Тогда он ощущает свою несоизмеримость по сравнению с безграничной, бытующей вечно, исполненной величия степью. Такое чувство испытывает накануне своей гибели Есугей.

Побратима, а потом недруга главного героя, мечтающего о вольности племен, Джамуху, в очередной раз разбитого Тэмуджином, угнетают холод и немота пустынной степи, и троп немоты усиливает переживаемое им состояние безнадежности.

Тогорил, вновь поневоле участвующий в противоборстве Джамухи и Тэмуджина, не замечая своих соратников, полностью во власти своих печальных мыслей. Он, похожий на старого ворона, смотрит вдаль, на голубые сопки, плывущие в мареве, и они кажутся ему караваном льдин. Важную роль в данном случае выполняет последняя метафора, подчеркивающая холод одиночества, испытываемого ханом.

В других картинах степи писатель убедительно передает то, что в точной характеристике Г. Д. Гачева творчества других литераторов названо «невидимые силовые линии», «вихревое движение и устремленность» природных сил [Гачев 1988: 69–70].

По мнению М. Д. Данчиновой, в качестве таких линий, названных этим автором связующими, в анализируемом романе выступают, кроме святых мест, также дождь, тепло нагретой земли и горы [Данчинова 1996: 128].

Такой элемент поэтики, как горы, так же вариативен, как и степь. Это и сопки, окружающие курени, где проходит детство персонажей, и прогретые солнцем косогоры, устланные мягкой хвоей, сквозь которую желтеют маслята, и крутые берега водоемов, и пригорки, скрывающие их от незнакомцев и недругов.

Величественна картина заката в кочевьях миролюбивых хоритуматов: «Освещенными оставались только вершины гор... небо было сначала золотисто-розовым, краски медленно выгорали, розовый цвет густел, вскоре он превратился в малиновый, а потом и в красный... Из-за гор выползала луна. Белый свет залил тихие леса...» [Калашников 1985: 367].

Собственная жизнь кажется главному герою подобной скалистой круче, на которую он пытается взобраться и с которой, когда уже близка вершина, все время срывается, а собранный им огромный улус видится горой песка. «Подымется буря — бугорка не останется» [Калашников 1985: 483].

Примером силовых линий, протянувшихся между землей и небом, а также подобных вихрю очертаний увалов является описание места одной из битв: «... насколько хватало глаз тянулись пологие увалы. Зеленовато-серые вблизи, увалы, отдаляясь, словно бы наливались голубизной, словно вбирали в себя синь безоблачного неба» [Калашников 1985: 414].

Прохладная синь гор на горизонте и крутые берега водоемов — элементы дорогого сердцу кочевника пейзажа, представляющего перед избежавшим неминуемой гибели Тэмуджином: солнечный, звонкий день ранней осени, вызолоченные ее теплым светом невесомые паутинки, «зеленый лес, сбегая с крутых отрогов, становился... прозрачнее, тут, у берега реки, сосны стояли далеко друг от друга, сквозь ветви просвечивала литая бронза стволов» [Калашников 1985: 320].

Чистоту и прозрачность родников, рек и озер далекой родины, прохладу гор, ветерок бескрайних родных просторов герои романа многократно вспоминают, обозревая природный мир иных земель и стран.

Писатель описывает место событий, которым суждено было повлиять на историю многих народов, — улус, в котором родился Тэмуджин, через динамику восприятия Оэлун, которой в недалеком будущем предстоит стать его матерью. Вначале это взгляд пленницы, непривычной к горам и лесам, угнетающим ее, отчего мир кажется ей «темным, мрачным, таящим в себе немую угрозу» [Калашников 1985: 26].

Неадаптированность к непривычным условиям показывают и животные, например, конь Чиледу, для которого трудна и неудобна петляющая в чаще тропа, и, жалея скакуна, всадник, пренебрегая осторожностью, часто выезжает на открытые долины.

Оставшись гонимой недругами Есугея многодетной вдовой, Оэлун полюбила лес, потому что поняла: люди могут быть опаснее. Красота окрестностей родника помогает ей на короткое время забыть свои горести.

3.3. Примеры персонификации пейзажа

Однако образы природы в романе И. К. Калашникова не только динамичны, связаны «с движением, пластикой тел людей и животных», обусловленными зрительными впечатлениями кочевого народа [Гачев 1989: 71]. Они персонифицированы. Особенно это касается образов героев, которые играют значимую роль в развитии сюжета и структуре произведения.

Ярко передается настроение излечившегося от раны Есугея, которому удалось завоевать расположение недоверчивой Оэлун, и теперь мечтающего о власти над соплеменниками. Его надеждам, с одной стороны, созвучны песня жаворонка, нежная зелень весенней травы, многочисленные цветы и радость детворы, с другой — психологическому состоянию этого властолюбивого человека вполне отвечает образ половодья на Ононе, также включающий мотив вихревого движения: «река была мутна, бурлива, шапки пены плясали на волнах, закручивались в ямки водоворотов, выхлестывались на песчаную отмель» [Калашников 1985: 47].

Как будто одни и те же просторы открываются перед взорами достигшего могущества Тэмуджина и двух его самых давних и верных друзей, Джэлмэ и Боорчу. Они видят родные прозрачно-лиловые дали, синие горы, глубокую голубизну неба, пасущиеся ста-

да, резвящихся жеребят, проносящиеся, словно тени от облаков, стайки дзеренов. Все трое понимают, что благодаря Тэмуджину и его воинству мирно курятся дымки очагов, и степняки уже не опасаются, видя всадников.

Давно заметив, что друзья отделились от него, Тэмуджин тщетно пытался вернуть их расположение совместной поездкой по родным местам, но холодность Джэлмэ и Боорчу по отношению к нему не исчезла. Тэмуджин чувствует осуждение ими его неукротимого стремления завоевывать все новые пространства, губельного для населяющих их народов, и покорителя многих стран уже не радует картина цветущей степи, тем более что обнаруживается: его собственный народ отнюдь не благоденствует, и в первой же встреченной ими юрте для высоких гостей не нашлось ничего, кроме самой скудной пищи, а все пять сыновей хозяев сложили головы в далеких краях.

Здесь тональность образов природы контрастирует не только с картиной жизни пастухов, но и с принципиальным несогласием самых близких друзей с жестокостью завоевательной политики Чингис-хана и ненасытностью его амбиций.

В романе немало и мастерски нарисованных миниатюр, показывающих знакомые персонажам реалии с неожиданного ракурса: «солнце клонилось к закату, тени от сопок и юрт легли на степь длинными полосами, в синем небе висело облачко с золотым боком» [Калашников 1985: 113]. Именно такую картину видит не унывающий, добрый, искренний юный Тайчу-Кури, неожиданно встретивший девушку, ставшую впоследствии его судьбой.

Краткий миг радости хитрый, коварный, но вместе с тем чуткий к прекрасному Джамуха переживает на фоне мирной картиной заката: «Солнце уже село. И там, где оно село, край неба пылал золотисто-малиновым светом. Мелкая рябь озера тоже была малиновой» [Калашников 1985: 219].

3.4. Обусловленность достоверности пейзажа постижением менталитета монгольских народов

Приведенные выше фрагменты свидетельствуют о таких отмеченных Г. Д. Гачевым качествах мышления писателей — представителей кочевых культур, как стереоскопичность и

объемность [Гачев 1988: 37]. Свойственны они и творчеству И. К. Калашникова, не только следовавшего традициям русского реалистического романа, но и усвоившего многие черты менталитета бурятского народа. И. С. Болдонова и Т. Е. Санжиева подчеркивают «особую восприимчивость и чуткость» автора к сознанию другого народа, его «способность открыть для себя другой мир» [Болдонова, Санжиева 2012: 271]. Этот мир, особенно природный, был у писателя во многом общим с одним из монгольских народов, бурятским.

Старожильческое русское население, представителем которого был писатель, веками бытовало в одном культурном поле с аборигенными народами, в том числе с бурятами, мирно взаимодействуя с ними [Бураева 2023: 444].

Время жизни и творчества И. К. Калашникова пришлось на советский период, когда межэтнические отношения характеризовались, как и на других этапах истории региона, реальной, давно сложившейся дружбой народов, толерантностью и согласием между ними [Чимитова 2023: 441].

Одно из ярких впечатлений посетившего Бурятию Н. К. Доризо — то, что «на бурятской земле его считали своим, родным... он как бы олицетворял собой единение двух древних культур — русской и бурятской» [Доризо 1984: 244].

Образы природы в романе не только достоверны, но и органично вплетены в его художественную ткань, потому что автору была хорошо знакома описываемая им северная оконечность монгольского мира, где чередуются степные просторы, покрытые кустарниками и травами, которые, раскачиваясь на ветру, похожи на волны, исчезающие в синей дали, непроходимая тайга, горы, сопки, озера и долины Уды, Селенги, других впадающих в Байкал рек, а родился и рос он в старообрядческом селе Шаралдай, расположенном в похожем на более южные края уголке Бурятии.

С. С. Имихелова относит И. К. Калашникова к числу «писателей-выходцев из старообрядцев, бок о бок проживших рядом с бурятами не одно поколение» [Имихелова 2020: 28].

«Небо, степь, сопки — все насквозь пропитано терпким духом полыни... Такой я вспоминаю землю его детства», — писала М. Н. Ломунова [Ломунова 1985: 5].

Собирая материал для будущего романа, писатель бывал в Монголии, работал в архивах, посещал музейные и другие хранилища, общался с людьми, впитывал жизненные впечатления. Но родной была горячо любимая Бурятия, и среди его лучших друзей были бурятские коллеги, родную культуру которых он уважал и ценил. В отрыве от малой родины смягчить ностальгию ему помогли записи бурятских песен, которые он постоянно слушал.

При создании образов природы писатель обращался и к антитезе. Психологическому состоянию не знающего покоя в борьбе с многочисленными врагами главного героя созвучен типичный зимний пейзаж: пустые необозримые просторы, нетронутые сугробы, негреющее солнце, злые губительные вьюги. «День был серый. Низко над землей висели плотные облака, в открытых местах мела поземка. Снежные струйки текли по сугробам, врывались в лес и увязали в кустарниках» [Калашников 1985: 202].

По контрасту с этой суровой картиной путь по знакомым с детства местам заставляет Тэмуджина вспомнить счастливое детство на берегу озера: росу под босыми ногами, блестящую гладь воды, пологие волны, клочья белого тумана, плывущего от противоположного берега, вечерний костер, в который он кидает сосновые шишки. «Они ярко, с треском вспыхивали, чешуйки сначала чернели, круто заворачивались, потом раскалялись, и шишка становилась похожей на сказочный огненный цветок» [Калашников 1985: 202].

Светлые чувства, испытываемые центральным героем прежде при воспоминаниях о детстве, отмечает М. Н. Ломунова, не трогают его в зрелости, когда «все человеческое отходит от Тэмуджина» [Ломунова 1986: 59].

Несмотря на огромную власть, военную удачу, немалое число покоренных народов, он испытывает зависть к подросткам, у которых все впереди. Бремя забот, стремление к тотальному контролю, постоянное напряжение сказываются на его здоровье: «Что-то тихо заныло, заболело внутри... Тихая боль внутри росла, ширилась, захватывала его, мягко сдавливала горло» [Калашников 1985: 688]. Боязнь неизбежного для всех живущих конца и отчаяние подчеркиваются такими деталями пейзажа, как черные облака и тусклый свет одинокой звезды. В этот момент главный герой вновь вспоминает одно из ощущений детства — росу под

босыми ногами: «Он бы куда-нибудь пошел сейчас, совсем один, и чтобы под босыми ногами была мягкая, холодная от росы трава...» [Калашников 1985: 688].

По мере движения сюжета читателю открывается изменчивость, а также многоликость и многокрасочность хорошо знакомого и любимого автором степного ландшафта. Поэтому степь в романе предстает то укрытой глубокими снегами, охраняющими одинокую юрту от многочисленных недругов, то пронизываемой беспощадными ветрами, то седой, как ковыль и поднятая стремительными дзеренами и лошадьми пыль, то яркой от ургюя, желтых маков, других цветов на фоне свежей зелени. Разнообразны и звуки, которыми она наполнена: шелест крыльев, стрекот, свист, звон, клекот и т. д.

Такая эстетизация природы представляет собой не только адекватное художественное воспроизведение специфики эстетического восприятия народа-кочевника, но и выражение мироощущения и чувств самого автора, для которого воссозданная им природа — единственно близкая, знакомая с раннего детства, родная. Сходную с романом И. К. Калашникова интерпретацию реалий родной природы выявляют в творчестве современных татарских поэтов И. Г. Юзеева и И. В. Иксановой, А. Ф. и Ф. Г. Галимуллины [Галимуллина, Галимуллин 2022: 189].

Масштабность, интеллектуальная и эмоциональная глубина и художественная достоверность образов природы, их органичная вписанность в целостный природно-социальный мир романа убеждают в значимости вклада образов природы в такое ценнейшее качество романа, как его философичность, отмеченное такими исследователями его творчества, как В. В. Башкеева [Башкеева 2017: 49], А. М. Борщаговский [Борщаговский 1985: 767], С. И. Гармаева [Гармаева 1997: 125], М. Д. Данчинова [Данчинова 2007: 6], Н. К. Доризо [Доризо 1984: 243–244] и др.

Многие образы природных реалий побуждают читателя к постижению предназначения человека и человечества, предельных оснований, самой сути бытия, заключенных в нем смыслов.

4. Заключение

Картины природы, отображенные И. К. Калашниковым в романе «Жестокий век», отличаются, прежде всего, такими атрибутами подлинно-

го таланта и высокого мастерства, как достоверность и выразительность. Они обусловлены знанием писателем воссоздаваемых реалий, любовью к родной земле, тесными связями с титульным народом республики, веками живущим в гармонии с другими этносами. Пейзаж выполняет важные функции: он служит средством создания точного и лаконичного описания, конкретизирует место действия, помогает раскрыть эволюцию характера персонажей, полнее показать их внутренний мир, мотивы поведения, индивидуальность. Некоторые образы природы имеют символическое значение. Воссоздание таких природных реалий, как степь, лес и горы, вариативно. Образам природы присущи и динамизм, и графическая четкость, и объемность, и разнообразие ракурсов, и стереоскопичность. Они составляют органичную часть целостной картины мира произведения.

Литература

- Башкеева 2017 — *Башкеева В. В.* Исая Калашников. Литературная биография. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2017. 76 с.
- Борщаговский 1985 — *Борщаговский А.* Эпический дар // Калашников И. К. Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1985. С. 762–767.
- Болдонова, Санжиева 2012 — *Болдонова И. С., Санжиева Т. Е.* Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2012. Вып. 6. С. 268–273.
- Бураева 2023 — *Бураева О. В.* Взаимодействие культур русских, бурят и эвенков — основа добрососедских отношений в Бурятии // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. С. 442–445.
- Гармаева 1997 — *Гармаева С. И.* Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1997. 170 с.
- Галимуллина, Галимуллин 2022 — *Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г.* Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 174–190. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-174-190
- Гачев 1988 — *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
- Гачев 1989 — *Гачев Д.* Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе: Адабият, 1989. 483 с.

- Данчинова 1996 — *Данчинова Д.* Художественное пространство и время («Жестокий век» И. Калашникова) // Интегративные связи филологии. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1996. С. 126–137.
- Данчинова 2007 — *Данчинова М. Д.* Категории пространства и времени в художественной картине мира в прозе В. Митыпова, романе И. Калашникова «Жестокий век», лирике Б. Дугарова, Г. Раднаевой. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2007. 116 с.
- Доризо 1984 — *Доризо Н. К.* Я прохожу по строчечному фронту. М.: Современник, 1984, 319 с.
- Имixelова 2020 — *Имixelова С. С.* Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2020. 216 с.
- История бурятской литературы 1997 — История бурятской литературы. Т. III. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.
- Калашников 1985 — *Калашников И. К.* Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1985. 768 с.
- Ломунова 1985 — *Ломунова М.* Исай Калашников и его книги // Калашников И. К. Жестокий век. Роман. Переиздание / предисл. М. Н. Ломуновой; послесл. А. Борщаговского. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1985. С. 5–8.
- Ломунова 1986 — *Ломунова М. Н.* Исай Калашников. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1986. 88 с.
- Тюпа 1982 — *Тюпа В. И.* Эстетический феномен — произведение — текст // Типологический анализ литературного произведения. Кемерово: Кемеровск. гос. ун-т, 1982. С. 3–19.
- Филонов 2018 — *Филонов Д. Г.* Роль сравнений в романе «Жестокий век» И. К. Калашникова // Актуальные проблемы литературоведения, языкознания и культуры Восточной Сибири, Монголии и Китая: сб. науч. ст. / отв. ред. Цыремпилова И. С., Серебрякова З. А. Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. С. 38–43.
- Чимитова 2023 — *Чимитова И. З.* О характере межэтнических отношений в Бурятии XX века // Трансграничные Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. С. 439–442.